

«Утверждаю»: **Заврумов З.А.**,
проректор по научной работе и развитию
инновационного потенциала ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»,
доктор филологических наук, профессор.

«16» мая 2019 г.

О Ф И Ц И А Л Ь Н Ы Й О Т З Ы В

ведущей организации – Пятигорского государственного университета - на диссертацию Инь Лу «Художественная метафизика Ф. М. Достоевского в творческой рефлексии китайских писателей 1920-1930-х гг. (Лу Синь, Мао Дунь, Юй Дафу)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01– русская литература

Представленная Инь Лу диссертация изложена на 163 страницах текста, набранного на компьютере, включает введение, три главы, поделенные на параграфы, заключение и список библиографических работ из 132 наименований.

Китайский интерес к русской классике - весьма серьезное направление в современном литературоведении, имеющее немалое значение не только для национального и нашего – отечественного - литературоведения, но и для всей мировой русистики. Дело в том, что это явно выразившееся в самых разнообразных форматах исследования целенаправленно знаменует

наступление новой эры в осмыслении места и роли классического канона русской литературы, открытия в ней прежде неведомых контекстов и локусов взаимодействия художественных практик. Вот несколько показательных фактов. В первом номере журнала «Вопросы литературы» за этот год, опубликована статья о переводах и изучении произведений Лермонтова и Баратынского в Китае. На недавний конгресс МАПРЯЛ в Нур-Султане старшей русисткой Ли Иннань вместе с В. В. Агеновым был представлен доклад о влиянии переводов Пастернака на китайскую поэзию, а молодой исследовательницей Е Сянлинь – об эмотивной компоненте в творчестве Довлатова. Профессор Ван Лие из Пекинского университета иностранных языков недавно сообщил о завершении работы над новой монографией о Тургеневе. Не счесть и других подобного рода примеров последнего времени, свидетельствующих, на наш взгляд, лишь об одном – находящаяся в непосредственном соседстве с Россией внесшая огромный вклад в мировую культуру страна пытается понять степень и смысл взаимодействия в созданном ими обоими культурно-цивилизационном пограничье.

Сделать предметом исследования художественную метафизику крупнейшего русского писателя XIX века означает, прежде всего, поставить цель выяснения того, как благодаря образно-эстетическим средствам в том или ином из его произведений изображаются мировоззренческие, религиозные, философские, нравственные, экзистенциальные проблемы. Способность художественной метафизики к погружению в глубинные первоосновы бытия человека делает ее в философском миропостижении куда более эффективным средством по сравнению с позитивным научным познанием. Очень точно также названа форма рецептивного отношения китайского культурного пространства 1920–1930-х годов XX века к метафике Ф. М. Достоевского – «восприятие», а не более прежде

привычного для компаративистики «влияния/заимствования». И это обстоятельство мгновенно переводит тему работы на высший для сегодняшнего дня уровень актуализации, ибо в то же самое время были заложены основы, оказавшиеся вскоре в силу социально-идеологических причин забытыми на многие годы и восстановлением которых столь многим обязана своим расцветом китайская компаративистика конца XX века.

Все это не могло не повлиять на качество научной новизны, predeterminedенную в большой степени своеобразием используемой диссертантом аналитики интертекстуального диалога между произведениями русского и китайских писателей, где приоритет отдается, скорее, не аллюзивным связям, а типологическим соотношениям, что сегодня представляется крайне востребованным, учитывая наработки коллектива ИМЛИ РАН во главе с В. Б. Земсковым и несколько лет назад изданную его книгу «Образ России в современном мире и другие сюжеты» (2015). Убедительно обоснованное им направление типологического сопоставления культурных процессов в российско-азиатском регионе отрицает «зеркальный перенос», происходящий в результате привычных «перевода», «парафразы», или «пересказа». Главным в операции переноса становится сотворчество *различий* (выделено нами. – В. Ш.), «порождение новых смыслов, способных вернуться в преобразованном виде в исходный контекст и тем самым продолжить культурное взаимодействие». Солидаризуясь с таким подходом, соискатель привычное «сходство» в своем исследовании не абсолютизирует и ставит в ходе анализа, в первую очередь, «вопрос о художественном смысле, который выявляет компаративный подход» (С.10).

Методологическая доминанта и инструментарий последнего абсолютно естественно ложится в сопоставление ключевых мотивов и образов Ф. М. Достоевского и известных китайских писателей 1920–1930-х годов XX века

(Лу Синя, Мао Дуня и Юй Дафу), способствует выявлению их типологических соответствий и различий.

Символично, что перечень имен ученых, важных диссертанту для методологического обоснования собственной исследовательской стратегии, открывается академиком А. Н. Веселовским и введенным им понятием «суггестивность», которое означает уникальную способность, присущую художественному образу и сюжету, стать основой переноса/перевода для писателей в создании ими «нового содержания». В связи с этим Инь Лу особо подчеркивает важность творческого наследия русского классика, «суггестивность» которого становится той животворящей идеей, на основе которой в диссертации осуществляется глубокое, хорошо аргументированное и изобилующее интересными наблюдениями и нетривиальными выводами научное исследование, вносящее одновременно немаловажные коррективы и уточнение в историю китайской литературы.

В этой связи отдельного упоминания заслуживает нежелание диссертанта следовать как господствовавшему в СССР гегелевско-марксистскому универсализму, с лежащей в его основании формационной теорией и концепцией линейно направленного общественно-литературного процесса, так и столь еще совсем недавно популярным цивилизационным теориям О. Шпенглера и Х. Ортега-и-Гассета, К. Ясперса и П. Сорокина, с их абсолютизацией границ, с отрицанием возможности синтеза «разных смысловых и эстетических опытов» (В. Б. Земсков). Инь Лу, если взять за основу сформулированные в конце каждой главы и диссертации в целом выводы, скорее, выступает апологетом концепции культурного трансфера французского ученого Мишеля Эспаня и немецкого исследователя Михаэля Вернера, обосновавших идею культурного «смещения», или гибридизации.

Особую значимость в выборе темы и самой стратегии исследования, во многом определившим сам смысл выносимых на защиту основных положений, стал выбор исторического периода, в границах которого были написаны произведения китайских авторов. Этому практически посвящена вся первая глава «Особенности рецепции русской литературы в Китае». Ф. М. Достоевский воспринимается ими не только «субъектом диалога» - создателем привлекательной для других оригинальной художественной метафизики, но и, как это убедительно предстает со страниц диссертации, мощным регулятором самого феномена чтения, создающего и воспитывающего небывалый прежде для Китая тип читателя как социально-ответственной личности. Совсем другое, напомним, в то же время в России, что очень важно, имея в виду сравнительно-сопоставительную парадигму. Набоков в «Отчаянии», например, дал пародию на Илью Эренбурга, как, впрочем, и на многих других советских писателей 1920-х годов. Из-за их страсти к «достоевщине», прежде всего. Для китайцев, активно переводимый русский классик, приобретает достаточно быстро статус «народного писателя». Он для них даже больше, чем писатель. «Если выдержишь такое тяжелое давление, как он, - пишет талантливый Лу Синь, - то сможешь еще больше выдержать и лучше понять его жесткую истину, его холодную страсть и предельное терпение. Именно за это его и любишь» (С. 43-44). Причем Достоевский «берет за душу» не тем, чем брали китайского читателя блестящие стилисты Тургенев, Толстой или Чехов, гораздо лучше попадающие «в унисон» со свойственной даосизму медитативностью и образностью. Он делает это не изобразительно-картинно, а, обнажая свое нутро, словно сдирая с себя кожу, на что в то же примерно время обращал внимание размышлявший о влиянии Достоевского представитель другой цивилизации - Э. Хемингуэй.

Создается впечатление, что в наполненном межэтнической враждой и расовой ненавистью колониальном XIX веке различные культуры парадоксальным образом не только разъединялись, но и соединялись благодаря литературным традициям.

Немалую научную ценность имеет и второй вывод, позволяющий воспринимать Достоевского как абсолютно релевантного тогдашним исканиям в китайском обществе художника. Соискатель приводит многочисленные примеры, подтверждающие мастерство повествовательной техники интроспекции, рассматривает структуру психологического исследования в произведениях Федора Михайловича, где важную роль играет весьма своеобразный тип наблюдения за собственными психическими состояниями, едва ли не лабораторной четкости фиксации собственной активности, порождающей отдельные мысли, образы, чувства, переживания. Приемы изучения внутренней духовной жизни человека, использованные в романах, – это в первую очередь самонаблюдение героя и рефлексивный анализ. Причем такая констатация соискателя основана на особой ценности полифонической эстетики, коррелирующей с мировоззренческим плюрализмом характерного для духовной атмосферы в тогдашнем Китае.

Третий постулат из «Положений...» важен существенными коррективами, которые вносятся соискателем в «фантастический реализм» Ф. М. Достоевского, в сопрягающихся в нем жестком детерминизме и иррациональных связях, рождающихся в глубинных слоях подсознания, в синтезе типического и архетипического, синонимической оппозицией которой становятся психологизм и социальность. На постулировании взаимодействия этих феноменов совершенно естественно формулируется трактовка общей «метафизической ситуации» произведений Ф. М.

Достоевского, Лу Синя, Юй Дафу и Мао Дуня. Согласно ей, человек, открывающий духовное измерение и стремящийся осознать пределы внутренней свободы, – проявляется в целом ряде типологически сходных мотивов.

Четвертое по счету основное положение касается новых измерений «подполья», найденных Инь Лу при анализе рассказа «Падение» Юй Дафу и романа «Затмение» Мао Дуня, соотносимые с литературным архетипом подпольного парадоксалиста, благодаря которому открываются новые измерения локуса «подполья», их русско-китайского сходства и различия, крайне ценные именно с точки зрения идеи культурного синтеза в пограничных цивилизациях.

Не менее значим и другой вывод диссертанта, утверждающего ценность полифонической эстетики Ф. М. Достоевского, с одной стороны, в разрушении авторского репрессивного монологизма, а, с другой, – художественно убедительно воплощает кризисное сознание современного писателю человека. И сразу после этого в духе творчески осмысленной компаративистики заключение Инь Лу о релевантности этого кризисного – «русского» – состояния с «эпистемологической неуверенностью» китайского «маленького человека» 1920-1930-х годов, что особенно ярко проявилось в художественно творчестве Лу Синя и «тревожной» прозе Юй Дафу.

Шестое и седьмое положения, выносимые на защиту, следует считать также серьезным вкладом в современные трактовки сравнительного литературоведения, прежде всего в такое ключевое для него понятие, как «граница». Оно воспринимается ныне амбивалентным явлением, этакой «проницаемо-непроницаемой мембраной» (В. Я. Земсков), благодаря которой культуры именно «взаимодействуют», а не, как считалось раньше, «вливают»

и «заимствуют». Именно взаимодействием этико-философских воззрений, формирующих творческий метод, следует считать сложную операцию сотрудничества Ф. М. Достоевского и китайских писателей 20—30-х годов прошлого века. В ситуации содействия различных кодов находятся нравственные искания Ф. М. Достоевского и философская созерцательность китайских писателей. Определив возникшую типологическую общность, соискательница, по сути, утверждает состоявшуюся трансформацию перекодировки воспринятого в одной литературе и перенесение его путем «перевода – парафразы – пересказа» в другую литературу. Несмотря на религиозно-мировоззренческий диссонанс, самые разные художники объединяются, устанавливая, в частности, и «закономерности в развитии психологического реализма и динамику антропологической детерминации». Не говоря уже о возникающих в результате такого взаимодействия импульсах к созданию новых направлений и школ, той же, например. «новой прозы» (С. 16)

Наибольшую научную значимость в диссертации приобретает третья глава - «Художественный код Ф. М. Достоевского в прозе Юй Дафу и Мао Дуня». Здесь компаративный подход представлен наиболее системно, в зримом разграничении связанных между собой контактно-генетических порождений и типологических сходений/аналогий. Апеллируя к концепции «встречных течений», Инь Лу внимательно исследует проблему трансформации «чужого» в «свое – другое» при переходе из одной среды в другую, акцентируя внимания на механизме таких трансформаций. И совершает, несомненно, знаковый жест, что и отличает современные компаративные исследования.

Кроме того, собственно художественный код Достоевского в данной главе рассмотрен через призму главных содержательных феноменов творчества нашего классика: «бедные люди», «подпольный человек», «положительно

прекрасный человек». Китайскую литературу в этом русском парафразе представляют два писателя, лидеры двух самых крупных литературных группировок первой трети прошлого века, в чем нам видится эффективное и хорошо продуманное композиционное решение довольно сложной задачи. Есть привести отечественную аналогию, то Мао Дунь может быть воспринят как Михаил Шолохов, а Юй Дафу – Борис Пастернак. Диссертант приходит к весьма значимым выводам, Так, например, «подпольный человек» в китайском варианте «обречен на гибель <...> по причине неустойчивости своего характера, его механизмы психологической защиты отказывают, в то время как отчуждение русского «подпольного» – это действенный вид самосохранения» (С. 98).

Что касается «положительно прекрасного человека», то если для Ф. М. Достоевского он – «мост между людьми и небом», то китайским персонажам в этой поддержке свыше не нуждаются, «духовность китайского писателя строится на другой основе – вере в коллективный разум народа и неизбежность грядущей революции» (С. 138).

Несомненное достоинство работы – абсолютно релевантное отражение важнейших положений, выносимых на защиту, в опубликованных диссертантом работах, среди которых наиболее знаковые «“Подпольный человек” в рассказе «Падение» Юй Дафу», «“Маленький человек” Достоевского и Лу Синя», «Образ революции у Достоевского и Мао Дуня» «“Сентиментальный натурализм”: “бедные люди” в малой прозе Юй Дафу».

Объективности ради отметим и некоторые недостатки в диссертации Инь Лу. Так, хотелось бы большей четкости в текстовом оформлении промежуточных итогов в каждой из глав. Они должны, на наш взгляд, иметь вид едва ли не конституционного высказывания, позволяя не только лучше осознать уровень научной новизны результатов работы, но и проследить логику мысли соискателя.

В работе представлено немалое количество малоизвестных фактов из истории китайской литературы, нередко отсылки к принципам национальной «философии жизни», контекст которых неплохо было бы расширить и углубить для более органичного «входа» в этнокультурную специфику и лучшего осознания уникальности культурно-цивилизационного взаимодействия обеих литератур.

Если говорить о претензиях интеллектуально-личного характера, то нам не хватило в работе ссылок на «Дневник писателя». Особенно связанном с ним феноменом «публичности», столь необходимым при разговоре о рецепциях книг русского классика китайским читателем и при анализе полифонической эстетики.

В целом нет замечаний, относящихся в сфере стилистического исполнения текста. Однако большее использование стандартных научных оборотов, облегчающих структурирование и восприятие текста работе, думается, в данном случае не повредило бы.

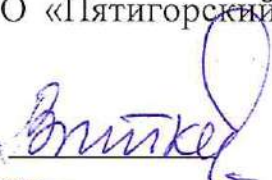
Диссертационная работа даёт полное и достаточно глубокое представление об одной из важнейших метафизических особенностей художественного творчества Достоевского, рассмотренного на материале произведений китайских писателей первой трети XX века. Диссертация Инь Лу «Художественная метафизика Ф. М. Достоевского в творческой рефлексии китайских писателей 1920-1930-х гг. (Лу Синь, Мао Дунь, Юй Дафу)» в полной степени соответствует и автореферат, что позволяет по совокупности проведенных соискателем исследований, имеющим важное теоретическое и практическое значение, по уровню их историко-теоретического обоснования и системе аргументации считать данный труд завершённой оригинальной научно-квалификационной работой, сам характер которой и рассмотренный в ней материал, а также уровень научного осмысления, действительная, а не профанная актуальность, в полной мере

соответствует критериям и отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 01. 10. 2018 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв составил Шульженко В. И. - доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства» ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (протокол № 6 от 14 мая 2019 г.)

Зав. кафедрой языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства» ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,

доктор филологических наук, профессор Витковская Л. В.

16 мая 2019 г.

С отзывом ознакомлена

Шульженко В. И. 20.05.2019г.